

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	107
ГЛАВА ПЯТАЯ	163
ГЛАВА ШЕСТАЯ	187
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	199
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	247
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	257
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	301
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	319
Основные даты жизни и творчества А.В. Сухова-Кобылина	331
Краткая библиография	343

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проклята будь ты, судьба, в делах твоих.

А. В. Сухово-Кобылин. Дело

Утром 6 октября 1842 года пароход “Санкт-Петербург”, следовавший из Гавра, вошел в воды Финского залива. Каюту первого класса занимала профессиональная модистка, парижанка Луиза Элизабет Симон-Деманш, двадцати трех лет от роду, вероисповедания католического. В таможенных документах она записала себя вдовой, хотя замужем никогда не была.

Она ехала в Россию, чтобы через восемь лет, на Михайлов день, в непроглядную пургу, сгинув в сугробах Ходынского поля, стать судьбой русского драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина — сделаться навеки неотступной и скорбной тенью его славы, терновым венцом его блестящих побед и триумфов.

Обер-прокурор Правительствующего сената, управляющий шестым департаментом Министерства юстиции, сенатор Кастор Никифорович Лебедев заметил в своих “Записках” с брезгливой

меланхолией: “Грустно видеть эту француженку, залетевшую в Москву, чтоб кончить ужасной смертью”.

В деле Сухово-Кобылина об убийстве Луизы Симон-Деманш обер-прокурору предстоит сыграть не последнюю роль.

В 1854 году он, Кастор Никифорович, приближенное и доверенное лицо министра юстиции графа Панина, составит “от имени и за подписью” министра грозную резолюцию по делу, вследствие которой Сухово-Кобылин будет подвергнут тюремному заключению по подозрению в убийстве.

Граф Панин однажды признался со свойственной ему прямоотой: “Я всю жизнь подписывал вещи, не согласные с моими убеждениями”.

В данном случае содержание “вещи” фатально совпадало с убеждениями министра, что придавало бумаге сугубую силу. Вдохновленный столь редкой удачей, Кастор Никифорович отважился просить у графа красную ленту через левое плечо*. И хотя Панин, по утверждению его биографа, умел ценить труды своих подчиненных и даже “смотрел на их письменные работы как на создания художников, увековечивающих имя своими произведениями”, ленты он обер-прокурору не дал и просьбой его остался крайне недоволен. А когда “художник” шестого департамента стал открыто выставлять

* Красная лента через левое плечо — атрибут ордена Святого Александра Невского. (Здесь и далее примеч. авт.)

свои заслуги перед собратьями по чиновничьему перу, министр юстиции вызвал его в кабинет и напомнил ему о другом художестве его неразумной юности — крамольной сатире на Императорский Московский университет, которую Лебедев сочинил в 1834 году, будучи студентом этого учебного заведения. Кто знает, быть может, Кастор Никифорович увековечил бы свое имя не только как чуткий писатель и оратор панинской школы, которая воспитала целый легион виртуозов, блиставших красноречием на заседаниях Сената, но и как утонченный сатирик, если бы ему с самого начала не отбили охоту к подобного рода сочинительству: тираж его остроумного опуса под названием “Рассуждения о царе Горохе” изъяли, а автора удалили из университета.

Сатириком Кастор Никифорович не стал. Но русская сатира в лице Сухово-Кобылина многим обязана сенатору.

Именно он натолкнет автора “Дела” на создание одной из самых драматичных сцен в этой пьесе, когда в своем прокурорском кабинете на глазах у изумленного драматурга съест билет Опекунского совета — взятку в 10 тысяч рублей серебром, полученную от Сухово-Кобылина за обещание “дать делу положительный ход”. Никакого положительного хода делу об убийстве Деманш Лебедев, разумеется, и не думал давать. Ибо в то самое время, когда на уровне обер-прокурорского зада отчаянно выплясывали подвижные пальцы, пытаясь и так и эдак изобразить перед просителем заветную ци-

фру с четырьмя нулями, в каморке письменных дел стряпчего уже всюю скрипели казенные перья — производилась на свет прокурорская резолюция, сулившая драматургу 20 лет каторги. Банковский билет, скользнувший неувловимым призраком в правый карман жилетки обер-прокурора, мог бы, пожалуй, значительно ускорить осуществление его давней мечты удалиться на покой и стать беспечным владельцем живописных деревенок с мукомольнями и винокурнями, если бы Александру Васильевичу по дороге домой не пришлось в голову вернуться в департамент и заглянуть к стряпчему. Вознагражденный двумя пятирублевыми кредитными билетами стряпчий любезно позволил ему ознакомиться с резолюцией Лебедева.

В один миг откроется Александру Васильевичу вся глубина вековой чиновничьей мудрости: просителю обещать, чтобы брать с него взятки, а дело в любом случае поворачивать в угоду начальству, чтобы получать от него ордена и должности. Он прозреет, но прозрение будет запоздалым. И когда Александр Васильевич, вне себя от ярости, ворвется в кабинет обер-прокурора и обрушит на него свой гнев и угрозы — подлец, негодай, мошенник! я сейчас крикну на весь департамент! да что департамент — я крикну на всю Россию, что я дал вам взятку! у меня записан номер билета... вас обыщут... у вас найдут... вас призовут! — Кастор Никифорович ничуть не смутится. Он горестно усмехнется в лицо Александру Васильевичу, нехотя вытащит из кармана сложенный вчетверо билет,

положит его в рот и, тщательно разжевав, проглотит половину подмосковного имения писателя. Единственная улика еще не успеет перевариться в желудке статского советника, а на голову Сухово-Кобылина уже польются велеречивые потоки праведного негодования. Вооружившись прокурорским красноречьем, Кастор Никифорович ринется в атаку и, предвосхищая вдохновенные инвективы цензоров Феоктистова и Нордштрема, обвинит будущего сатирика в злонамеренном осквернении “святых стен” и “Зеркала Империи”. Под возгласы возмущенных жрецов Фемиды его выведут вон из “высшего присутственного места державы” и хлопнут за ним дверь, которую он порывался распахнуть, чтобы крикнуть “всей России”: “Здесь грабят!!”

Россия услышит этот вопль тридцать лет спустя, когда с пьесы “Дело” снимут намордник, причешут ее цензорскими карандашиками и выпустят с биркой “Отжитое время” на русскую сцену. И тогда публика благодушно посмеется над “мрачными фантазиями” престарелого драматурга, которого в молодости “обидели дореформенные крючкотворцы”.

“Странная, странная судьба!” — не раз повторял Сухово-Кобылин в своих дневниках и письмах. И однажды, устав тягаться со своим “незрячим поводырем”, он доверился его неразумной воле: “Я покорен тебе, судьба, веди меня, я не робею, не дрогну — даже если не верю в твой разум. Веди меня, Великий Слепец — судьба!”

Пароход “Санкт-Петербург” огласил протяжными гудками столичную гавань. Вершил свою волю Великий Слепец.

Из Парижа Луиза выехала одна, без друзей, без знакомых, без средств и надежд. Через год она станет известной московской купчихой, компаньонкой и поверенной в коммерческих делах семейства Кобылиных, владелицей бакалейных лавок на Неглинной и винных магазинов в Охотном Ряду с капиталом в 60 тысяч, с апартаментами в доме графа Гудовича, с загородным особняком в Останкине, с многочисленной прислугой, рассыльными и экипажами.

Тогда, в 1842 году, она везла с собой в Россию дорожный саквояжик с недорогими туалетами, рисунки и выкройки шляпок французских моделей, и все состояние ее составляло 400 франков.

Среди прочих ее вещей в кожаном портмоне с медными уголками лежала аккуратно свернутая записка на французском языке, написанная Сухово-Кобылиным и адресованная госпоже Мене, содержательнице модных магазинов на Кузнецком Мосту. В записке этой Александр Васильевич в коротких словах рекомендовал определить француженку в один из магазинов, где он был постоянным и щедрым заказчиком.

С Александром Васильевичем Луиза познакомилась в Париже в 1841 году. Он предстал перед ней в ресторане “Пале-Рояль” с бокалом шампанского, с газеткой “Шаривари” в кармане жилета и, любезно раскланявшись, предложил тост “за оча-

ровательных французских женщин” в ее лице. В тот вечер она, как обычно, скучала за ужином с пожилой дамой, унылой подругой-наставницей, из тех, что неизбежно прилепляются к молодым и одиноким девушкам, обойденным судьбой.

И вдруг он явился — красавец, богач, беспечный барин, блестящий русский аристократ, европейски образованный, потомок боярина Андрея Кобылы, от коего выводили свой род и российские самодержцы Романовы, крестник Александра I, нареченный в честь своего венценосного восприемника от купели, владелец обширных родовых имений в пяти губерниях Российской империи, столбовой дворянин, хранивший в своем архиве указы царей Иоанна Грозного и Петра Великого “на жалованные роду Сухово-Кобылиных городá и сёла”, наследник крупнейших в России чугуноплавильных заводов на Выксе, хозяин тысяч крестьянских душ, каждая из которых трепетала при виде своего сурового барина, “бивавшего из собственных рук”.

Внешностью он поражал всех, кто с ним встречался. Вот знаменитый портрет, перед которым слуги Кобылина замирали в паническом страхе, когда им случалось зайти в барский кабинет в отсутствие хозяина. Его написал художник Тропинин в 1850-х годах, в самый разгар следствия по делу об убийстве Деманш. Александр Васильевич смотрит с портрета холодными черными глазами. Взгляд его исполнен самообладания, смуглое лицо с заметными восточными чертами выражает горделивую независимость

и непреклонную волю, крутой и властный характер; огромные усы заострены на концах, смоляные волосы зачесаны назад, на галстук бриллиантовая брошь с фамильным гербом. До глубокой старости сохранил он лоск и осанку родовитого барина. Знавшие его в один голос твердят, что в семьдесят лет он выглядел крепким сорокалетним мужчиной, был красив и статен. Борода росла у него полумесяцем, круто загибаясь концами вверх, и только на девятом десятке полумесяц разогнулся, превратился в широкую лопату, под глазами появились мешки, сгладились черты восточного властелина, унаследованные им по материнской линии от рода Шепелевых — потомков татарского хана. Среди немногих сохранившихся фотографий Сухово-Кобылина в музее Бахрушина есть снимок, сделанный в Париже как раз в ту пору, когда Александр Васильевич познакомился с Луизой Деманш. Он сидит в кресле, широко расставив ноги в изящных штиблетах, европейский костюм сверкает белоснежными манжетами, пышные бакенбарды лихо загибаются назад, голова повернута, и глаза презрительно косят в сторону. Трудно представить, что этого гордого и неприступного барина повезут по городу в казенном экипаже со стражником на подножке вместо выездного лакея, что частные приставы будут взламывать его секретеры и рыться в белье в шкафу его содержанки, что его любовные письма будут зачитываться с трибуны Сената и Государственного совета и что будут таскать его на допросы из Тверской части в Мясницкую, пока не усадят на гауптвахту у Вос-

кресенских ворот. А там уж будут маячить ему и Владимирская дорога, и “сырая сибирка”, и “бубновый туз”...

Всё, братец, будет; это закон природы — и полиция будет, и Владимирки не минешь.

“Свадьба Кречинского”,
действие второе, явление XVI

Луизу Александр Васильевич пленил. С первых же слов разговора, завязавшегося за столиком в “Палерояле”, он поразил ее своей темпераментной речью, блиставшей остротами на четырех европейских языках — французском, английском, итальянском и немецком, которыми он владел в совершенстве.

“По сведениям, полученным от лиц, знавших Сухово-Кобылина, — писал в 1910 году журнал «Русская старина», — оказывается, что он играл в обществе перед судебным процессом выдающуюся роль по своему обширному уму, образованию и богатству. Его острого, как бритва, языка боялись многие, не исключая всемогущего в то время генерал-губернатора”.

Да, Александр Кобылин, титулярный советник, служивший в губернаторской канцелярии, позволял себе дерзко шутить насчет военного генерал-губернатора Москвы графа Арсения Андреевича Закревского, перед которым трепетал весь город. В так называемой зеленой комнате Английского клуба, в которой собиралась избранная публика — молодые люди из самых знатных семейств москов-